

Элеонора Нарвселиус

Волынь 1943-1944: украинские дискуссии о националистическом повстанчестве, поликультурных «вселенных» пограничья и польском региональном наследии*

В последнее время годовщины нескольких трагических событий стали предметом острых дискуссий в украинском публичном дискурсе. Среди них были и события, очевидные различия в интерпретации которых провоцируют международную полемику и бросают тень на двусторонние отношения Украины и Польши. Речь идет прежде всего о массовых убийствах польского населения Волыни и Восточной Галиции в 1943-1944 гг. Для национально ориентированных украинских политиков и интеллигенции Волынь является особенно щекотливой темой, учитывая, что основная ответственность за идеологическую подготовку и осуществление «антипольской акции» возлагается на Организацию украинских националистов (ОУН) и подконтрольные ей вооруженные отряды Украинской повстанческой армии (УПА). Обе являлись ключевыми силами антисоветского националистического движения, символический – а до недавнего времени и юридический – статус которых был предметом острой полемики. Тем не менее, провозглашение украинского государства деятелями ОУН в 1941 г. считается в Украине одной из вех в борьбе за национальное освобождение и государственную независимость, а массовые убийства на Волыни стали одной из центральных тем в дискуссии об оценке украинского националистического подполья¹.

Статья рассматривает основные интеллектуальные стратегии, используемые в диспутах о межэтническом насилии на Волыни и в Галичине. Речь пойдет прежде всего об аргументах, которые предложила (западно)украинская сторона. Польские дискуссии о Волыни затронуты лишь в общих чертах, так как эта широкая тема заслуживает отдельного исследования². Главный тезис статьи заклю-

---

* Расширенный вариант статьи был ранее опубликован на английском языке в серии *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies* (2015. № 2403).

¹ Маймурек Я. Андрій Портнов: Зачароване коло національних історій // Історична Правда. 28 июля 2013. <http://www.istpravda.com.ua/articles/2013/07/18/130915/>. Последнее посещение 14 сентября 2016.

² См., в частности, обширные библиографии в: Wnuk R. Recent Polish Historiography on Polish-Ukrainian Relations during World War II and its Aftermath. <http://ece.columbia.edu/files/ece/images/wnuk-1.pdf>. Последнее посещение 13 сентября 2015; Rossoliński-Liebe G. Der polnisch-ukrainische Historikerdiskurs über den polnisch-ukrainischen Konflikt 1943–1947 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2009. Vol. 57. № 1. P. 56. См. также: *Historycy polscy i ukraińscy wobec problemów XX wieku: Forum Europy Środkowo-Wschodniej* / Ed. P. Kosiewski, G. Motyka. Kraków, 2000; Stobiecki R. *Historians Facing Politics of History: The Case of Poland* // *Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe after 1989* / Ed. M.

чается в том, что определенные искажения, непоследовательности и пробелы в интерпретациях Волынской трагедии объяснимы в контексте более широкого интеллектуального процесса вписывания локального – и одновременно транснационального – прошлого в связный национальный нарратив. Выясняется, что разнообразие польско-украинских исторических связей невозможно просто и беспроблемно приспособить под украиноцентричное видение прошлого из-за неразрешенных конфликтов памяти, берущих начало в событиях Второй мировой войны и послевоенного периода. Поэтому, рассматривая аргументы украинской стороны в дискуссии о Волыни, стоит сосредоточиться не только на тенденциях официальной политики памяти, но и на идеях, сформулированных в академических контекстах, медиа-полемике и публичных дискурсах.

Усугубляющаяся полярность оценок массовых убийств на Волыни и в Галичине в 1943-1944 гг.

История польско-украинского противостояния насчитывает не одно столетие. Коллективные воспоминания и исторические нарративы фиксируют две наиболее значительные вспышки насилия в двадцатом веке, обоснованием которых служило различие политических интересов польской и украинской сторон. Первой является польско-украинская война 1918-1919 гг., кульминацией которой стала памятная битва за Львов, закончившаяся поражением Украинской Галицкой армии и включением Галичины в состав Второй Польской республики. Пик межэтнической напряженности пришелся, однако, на последние годы Второй мировой войны, когда на оккупированной нацистами территории польско-украинского пограничья произошли массовые убийства польского гражданского населения, на фоне которых развернулось антиукраинское насилие и вынужденные послевоенные миграции как поляков, так и украинцев. Начиная с 2000-х годов межэтнический конфликт и его кровавые последствия на Волыни и в Восточной Галиции стали одной из самых политизированных исторических тем, поскольку консенсус относительно количества жертв, мотивации убийств, концептуализации событий и приписывания ответственности за них так и не был достигнут.

В общих чертах суть произошедшего можно представить следующим образом. Массовые убийства польского населения захлестнули восточные окраины оккупированной и разделенной Польши во время критической фазы Второй мировой войны. На протяжении веков Волынь и Восточная Галиция как этнически неоднородные земли, которые ныне включены в понятие «западная Украина», имели разную историю, что привело к различию политических пристрастий и культур-

---

Копецек. Budapest, N.Y., 2008. P. 179-196; Motyka G. Cień Kłyma Sawura: polsko-ukraiński konflikt pamięci. Gdańsk, 2013.

ных ориентаций их населения. В начале XX века значительное влияние на этнические отношения в этих двух регионах оказали изменения политических границ. Восточная Галичина и большая часть Волыни были включены в состав Второй Польской республики, в то время как восточная Волынь отошла к Советскому Союзу. Хотя демографически поляки составляли меньшинство населения восточных окраин (называемых «kresy»), их территориальные требования основывались на численном и культурном преобладании в нескольких городах, особенно в Львове/Лемберге, бывшей столице габсбургской провинции Галиция и Лодомерия³.

Межэтнические отношения в межвоенной Польше (в частности, между поляками и украинцами) заострились в результате ассимиляционной политики польского правительства. В то же время, после десятилетия экспериментов с так называемыми национальными районами на западном пограничье СССР, советское правительство спешно изменило курс в отношении национальных меньшинств. В середине 1930-х польское население этих земель подверглось репрессиям и депортациям⁴. Во время советской оккупации восточной Галичины и Волыни в 1939-1941 гг. сотни тысяч поляков, украинцев и евреев были подвергнуты насильственной советизации, арестам и выселениям, что, в свою очередь, усугубило межнациональное напряжение и жажду мести реальным или воображаемым врагам.

Примечательно, что в период нацистской оккупации опыт поляков и украинцев существенно отличался в Рейхскомиссариате Украина, в состав которого была включена Волынь, и в Генерал-губернаторстве, под юрисдикцией которого оказалась Галичина. Положение украинского населения Галичины в целом выгодно отличалось от других национальных групп. В частности, в городах многие украинцы были приняты на работу в оккупационной администрации⁵. Что же касается Рейхскомиссариата Украина, то здесь нормой стало неприкрытое насилие⁶. Тысячи украинских полицейских были использованы для истребления местных евреев и таким образом усвоили приемы проведения массовых экзекуций⁷. Что касается поляков, то на Волыни они играли важную роль в немецкой администрации⁸. Помимо этого, одной из предпосылок различной динамики украинско-польского столкновения в двух регионах стала демография. На Волыни доля польского населения была меньше. Погибло же поляков больше всего

---

³ Как отмечает Тимоти Снайдер, «Lwów символизировал древнее польское присутствие и недавний политический триумф». Snyder T. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven, L., 2004. P. 134.

⁴ Об автономных польских округах на западном пограничье СССР см.: Brown K. *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, Mass., 2004.

⁵ Snyder. *The Reconstruction of Nations...* P. 174.

⁶ Berkhoff K.C. *Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule*. Cambridge, Mass., 2004. P. 10, 45-47.

⁷ Snyder. *The Reconstruction of Nations...* P. 162, 174.

⁸ Ibid. P. 157.

именно на Волыни, где были сконцентрированы основные силы УПА. Здесь начавшийся в 1943 г. террор принял самые жестокие формы. В 1944 г. он распространился на Галичину.

Во время войны численность населения Волыни резко сократилась в связи с уничтожением 98,5 процента евреев⁹. Что же касается потерь польского населения региона, то, по некоторым оценкам, к 1943 г. от довоенных 400 000 осталось примерно 200 000 человек. Такой резкий спад был обусловлен советскими депортациями в 1939-1941 гг., советскими и немецкими экзекуциями, принудительным вывозом на работы в Германию, смертями от болезней и гибелью в вооруженных налетах¹⁰. На этом фоне не так-то просто оценить точное количество гражданских лиц, погибших в результате межэтнического насилия. Тем не менее, речь, несомненно, идет о десятках тысяч. Подсчеты потерь польского населения на Волыни и в Галичине во время Второй мировой войны дают цифры от 40 000 до явно преувеличенных 200 000¹¹. Согласно последним подсчетам, известны имена около 42 000 жертв насилия отрядов УПА¹². Число украинских жертв польских вооруженных формирований во время Второй мировой войны составляет примерно 30 000¹³.

Массовые убийства поляков в условиях продолжающейся немецкой оккупации были спровоцированы стремлением украинских националистических сил *de facto* установить контроль над территорией, которая могла стать предметом территориальных претензий послевоенной Польши. В отличие от соседней Галичины, в предвоенной Волыни как украинское большинство, так и около шестнадцати процентов тех, кого классифицировали как поляков¹⁴, не были склонны к массовым выступлениям под националистическими лозунгами. Однако во время войны Волынь стала основной ареной массового насилия, подкрепленного националистической риторикой. В начале 1943 г. радикальная фракция ОУН, «бандеровцы», выступила с призывом очистить Волынь, которая к тому времени находилась под контролем УПА, от поляков.

Массовая поддержка «антипольской акции» может быть объяснена ожесточением местного украинского населения, которое в течение короткого периода времени испытало радикализацию национальной политики, беспрецедентный террор советского и нацистского правления и уничтожение местных элит¹⁵. Она также была частично обусловлена возможностью получить польские земельные

---

⁹ Snyder. *The Reconstruction of Nations...* P. 160.

¹⁰ *Ibid.* P. 169, 325.

¹¹ Motyka G. *Od rzezi wołyńskiej do akcji «Wisła»: konflikt polsko-ukraiński 1943-1947.* Kraków, 2011. P. 447.

¹² Siemaszko E. *Bilans zbrodni: komentarze historyczne // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej.* 2010. № 7-8(116-117). P. 94.

¹³ Motyka. *Od rzezi wołyńskiej do akcji «Wisła»...* P. 448.

¹⁴ Snyder. *The Reconstruction of Nations...* P. 145.

¹⁵ *Ibid.* P. 155-156, 163; Льюшин І. Українська повстанська армія і Армія Крайова: протистояння в Західній Україні (1939-1945 pp). К., 2009. С. 248; Motyka. *Od rzezi wołyńskiej...* P. 446-448.

наделы, обещанные специальным указом УПА¹⁶. В свою очередь, антиукраинское насилие было организовано поляками, воевавшими в формированиях самообороны, в отрядах советских партизан, немецких полицейских и подразделениях польской Армии Крайовой¹⁷.

И в Польше, и в Украине главным объектом недавних политических и академических дебатов о Волыни стали роль, мотивации и идеологический профиль ОУН и УПА¹⁸. ОУН была подпольной организацией, которая практиковала террористические методы в борьбе за независимое украинское государство и стала значимой политической силой только к 1939 году. Так как во время Второй мировой войны, она оказалась, по сути, единственной активно действующей украинской политической организацией, ее влияние стремительно возросло¹⁹. После 1991 г. в западной Украине, особенно в Галичине, агиографическое повествование об ОУН и УПА как бескомпромиссных борцах за независимое государство укоренилось в основном под влиянием националистической историографии, поддерживаемой группами украинских эмигрантов на Западе. Энергичную поддержку этого героического нарратива в Украине можно в какой-то мере объяснить тем, что ОУН и УПА стали частью местной памятной культуры в контексте нарратива о бескомпромиссном движении сопротивления двум деспотическим режимам: советскому и нацистскому.

Тем не менее, сомнения в правомерности этой героической формулы возникают, если принять во внимание хотя бы несколько документально подтвержденных деталей. Еще до начала войны ОУН активно сотрудничала с Абвером²⁰. Также и после раскола ОУН в феврале 1940 г. обе конкурирующие фракции, «бандеровцы» и «мельниковцы», несмотря на различия в подходах и практике, получали поддержку из нацистской Германии, видели в ней главного союзника в борьбе за независимое украинское государство, и к тому же основывали свою идеологию на принципах так называемого интегрального национализма, который был сродни межвоенными фашистским доктринам других европейских наций²¹. ОУН(б) провозгласила украинское государство 30 июня 1941 г., после вступления во Львов батальона Вермахта «Нахтигаль», сформированного в основном из

¹⁶ Льюшин. Українська повстанська армія... С. 273.

¹⁷ Snyder. *The Reconstruction of Nations*... P. 172-173.

¹⁸ См. обзор наиболее значимых академических исследований, посвященных ОУН и УПА как в Украине, так и за ее пределами в: Marples D. *Heroes and Villains: Creating National History in Contemporary Ukraine*. Budapest, N.Y., 2007; Rossoliński-Liebe G. *Stepan Bandera – The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist: Fascism, Genocide, and Cult*. Stuttgart, 2014.

¹⁹ Snyder. *The Reconstruction of Nations*... P. 152, 164.

²⁰ Проблема ОУН-УПА. Національна академія наук, Інститут історії України. Звіт робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА: основні тези з проблеми ОУН-УПА (історичний висновок). К., 2004. С. 18.

²¹ Marples. *Heroes and Villains*... P. 112-161; Snyder. *The Reconstruction of Nations*... P. 143; Зайцев О. *Український інтегральний націоналізм (1920-ті – 1930-ті роки): нариси інтелектуальної історії*. К., 2013; Rudling P.A. *Historical Representation of the Wartime Accounts of the Activities of the OUN-UPA (Organization of Ukrainian Nationalists- Ukrainian Insurgent Army)* // *East European Jewish Affairs*. 2006. Vol. 36. № 2. P. 163-189.

украинцев, и, как следовало из его полного названия «батальйон Нахтигаль [т.е. Соловей] імені Степана Бандери», при активном участии бандеровской фракции ОУН. Новое государство просуществовало очень недолго, так как немецкие власти сразу же репрессировали его деятелей. Поскольку идеология и практика недолговечного украинского правительства имели много общего с нацистскими моделями, последствия украинского правления, судя по всему, были бы губительны для национальных меньшинств. Различные документы бандеровского крыла ОУН содержат довольно противоречивые указания относительно национальной политики. Тем не менее, они свидетельствуют, что по крайней мере в начале 1940-х гг. ОУН(б) рассматривала евреев, поляков и «москалей» как враждебные меньшинства²². В более конкретном измерении, существовал план репрессий в отношении нескольких национальных групп, в частности евреев и поляков. Последние должны были быть принудительно ассимилированы, а их интеллигенция уничтожена²³.

Истребление гражданского населения на Волыни и в Галиции запустило цепную реакцию ответных акций и послевоенных радикальных решений польско-украинского конфликта, которые безвозвратно изменили этнический состав пограничья. После повторной аннексии СССР бывших восточно-польских территорий в 1944 г. Сталин и марионеточное коммунистическое правительство Польши провели широкомасштабные «обмены населением» с целью установления контроля над землями, истощенными жестокостью нацистского режима и польско-украинского конфликта. В общей сложности около 790 000 поляков были «репатрированы» из Западной Украины в 1940-х гг., 124 000 из одного только Львова²⁴. Одновременно с окончанием нацистской оккупации с восточных польских территорий было выселено в СССР около полумиллиона украинцев²⁵, а еще 140 000 были расселены в самой Польше в ходе операции «Висла»²⁶. В результате истребления еврейского населения, массовых убийств польских и украинских гражданских лиц и последующих «эвакуаций» и «переселений» послевоенное польско-украинское пограничье превратилось в зону «искалеченной мультиэтничности»²⁷.

---

²² См. список публикаций, затрагивающих данную тему, в: Качановський І. ОУН(б) та нацистські масові вбивства влітку 1941 року на історичній Волині // Україна Модерна. 2013. № 30: Фашизм і правий радикалізм на сході Європи. С. 215-244. Собрание документов: Матеріали та документи Служби безпеки ОУН(б) у 1940-х рр. / Упоряд. О. Лисенко, І. Патриляк. К., 2003. С. 50-51.

²³ Мотука. *Od rzezi wołyńskiej...* P. 67; ОУН в 1941 році: документи. В 2-х частинах / Упоряд. О. Веселова, О. Лисенко, І. Патриляк, В. Сергійчук. К., 2006. С. 103-104.

²⁴ Czerniakiewicz J. *Repatriacja ludności polskiej z ZSSR 1944-1948*. Warszawa, 1987. P. 134; Ther Ph. *War Versus Peace: Interethnic Relations in Lviv during the First Half of the Twentieth Century // Lviv: A City in the Crosscurrents of Culture / Ed. J. Czaplicka*. Cambridge, Mass., 2000. P. 271.

²⁵ Snyder T. «To Resolve the Ukrainian Question Once and for All»: The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland, 1943–1947 // *Journal of Cold War Studies*. 1999. Vol. 1. № 2. P. 108; Snyder T. *The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing 1943 // Past & Present*. 2003. Vol. 179. P. 187.

²⁶ Snyder. *To Resolve the Ukrainian Question...* P. 113.

²⁷ Follis K. *Building Fortress Europe: The Polish-Ukrainian Frontier*. Philadelphia, 2012. P. 181.

С окончанием Второй мировой войны и установлением просоветских режимов в Центральной Европе замалчивание межэтнического насилия на Волыни и в восточной Галиции стало официальной линией по обе стороны польско-украинской границы. Одной из основных причин такой политики было стремление представить послевоенный социалистический блок как содружество братских народов, в едином порыве прокладывающих путь в коммунистическое будущее и свободных от наследия конфликтов, подстрекаемых классом эксплуататоров. Кроме того, «польско-украинский антагонизм не вписывался в советскую концепцию Великой Отечественной войны»²⁸. Официальный советский нарратив, закодированный на разных уровнях (от школьных учебников до многотомных официальных историографий) сосредоточился на монументальной битве СССР с нацистской Германией. Об объяснении маневров менее крупных политических игроков и национальных сил в Центральной Европе, которые могли бы вскрыть экспансивную советскую политику, не могло быть и речи. В результате, «[и] коммунистическая педагогика, и наука в Польше и Советском Союзе настаивали на том, что этнические группы всегда были там, где они сейчас, и что современные границы отражают древнюю историю. ... Этой догме не верили, но именно она заглушила исторические исследования причин перемещения населения»²⁹. Несмотря на то, что польская историография был гораздо более открытой по сравнению с советской³⁰, изучение проблематичных польско-украинских отношений первой половины двадцатого века стало частью академических дискуссий и полемики в медиа только после 1989 года.

Несмотря на общую практику цензуры исторических нарративов и представления массовых послевоенных перемещений населения как добровольной репатриации, «чистки памяти»³¹ от кровавого межэтнического конфликта военного времени не были вполне успешными. Последствия цензуры в советской Украине и Польской Народной Республике оказались разными. В советской Украине данная тематика десятилетиями блокировалась практически на всех уровнях; упоминания об убийствах поляков стали просачиваться в публикации западноукраинских газет лишь в конце 1970-х и начале 1980-х благодаря отчетам о судебных процессах над бывшими членами украинского националистического подполья. Что же касается послевоенной Польши, то здесь упоминания о резне на Волыни и в Галичине вошли в обыденное сознание обходными путями. В художественной литературе периода «реального социализма» в качестве символически значимой территории активности УПА были представлены не Волынь и восточная

---

²⁸ Осипян А. Этнические чистки и чистка памяти: украинско-польское пограничье 1939–1947 годов в современной политике и историографии // *Ab Imperio*. 2004. Вып 2. С. 312.

²⁹ Snyder. *The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing*. P. 229-230.

³⁰ Górny M. *From the Splendid Past to the Unknown Future: Historical Studies in Poland after 1989* // *Narratives Unbound: Historical Studies in Post-Communist Eastern Europe* / Ed. A. Sorin, B. Trencsényi, P. Apor. Budapest, N.Y., 2007. P. 101-141.

³¹ Осипян. Этнические чистки... С. 237-268.

Галиция, а Бескиды и Люблинщина послевоенного периода³². В то же время, в польских учебниках этого периода УПА называли преступными бандами, движимыми закоренелой враждой к полякам³³. В результате польские власти могли без труда представлять выселения украинцев в ходе операции «Висла» как единственно эффективный способ ликвидации сети УПА³⁴.

Хотя коммунистическая пропаганда замалчивала обстоятельства и масштабы межэтнического насилия времен войны, польские эмигрантские круги на Западе продолжали обращаться к этим темам. Осознание устрашающих последствий польско-украинского конфликта дало толчок серьезным дискуссиям о перспективах восточной политики Польши в объединенной Европе. В частности, литературно-политический журнал *Kultura*, издаваемый в изгнании известным польским интеллектуалом Ежи Гедройцем, стал эпицентром обсуждения того, как можно в будущем построить взаимовыгодные политические отношения с украинцами, белорусами и литовцами несмотря на бремя исторических конфликтов. Журнал Гедройца регулярно попадал к своим читателям за «железным занавесом» несмотря на официальную цензуру³⁵. Прагматический по своей направленности дискурс примирения, пропагандируемый журналом *Kultura* и польской интеллигенцией, которая принимала активное участие в «Солидарности», создал предпосылки для продолжения дискуссий о польско-украинских отношениях уже после распада социалистического блока. Кроме того, шаги, предпринятые римско-католической церковью³⁶ для привлечения к диалогу греко-католической церкви в изгнании, а также протестантского духовенства, сыграли свою роль в создании интеллектуальной платформы для переосмысления исторических отношений Польши и с соседними государствами, и с собственными национальными меньшинствами. Таким образом, благодаря начавшейся ранее дискуссии, после краха коммунистической системы польские интеллектуалы оказались лучше подготовлены к пересмотру сложного польско-украинского прошлого.

---

³² Wnuk. Recent Polish Historiography. См. также: Грицак Я. Страсті за націоналізмом: історичні есеї. К., 2004. С. 149.

³³ Зашкільняк Л. Українсько-польські стосунки ХХ ст. у спільній свідомості українців і поляків // Вісник Львівського університету: серія історична. 2008. № 2. С. 130; см. также: Трухан М. Негативний стереотип українця в польській післявоєнній літературі. Мюнхен, Львів, 1992.

³⁴ Wnuk. Recent Polish Historiography; Lehmann R. From Ethnic Cleansing to Affirmative Action: Exploring Poland's Struggle with its Ukrainian Minority (1944–89) // Nations and Nationalism. 2010. Vol. 16. № 2. P. 285-307; Jasiak M. Overcoming Ukrainian Resistance: The Deportation of Ukrainians within Poland in 1947 // Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948 / Ed. Ph. Ther, A. Siljak. Lanham, 2001.

³⁵ Lane Th., Wolański M. Poland and European Integration: The Ideas and Movements of Polish Exiles in the West, 1939–91. N.Y., 2009. P. 203-207, 226-229; см. также: Попович М. Культура с украинской точки зрения // Исторична Правда. 18 октября 2010. <http://www.istpravda.com.ua/digest/2010/10/18/580>. Последнее посещение 14 сентября 2016.

³⁶ Особенно с избранием Папой Римским Кароля Войтылы, известного защитника прав национальностей; см. Prizel I. National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine. Cambridge, 1998. P. 100.

В начале 1990-х значительная часть польской политической элиты осознала, что признание исторических ошибок немаловажно для демонстрации нового демократического курса Польши в международном контексте, а также для улучшения отношений с собственными меньшинствами. Коллективная память не только стала «якорем суверенитета»³⁷, но и превратилась в значимый фактор польской геополитики. Наряду с этим, в соответствии с европейскими моделями памяти, официальная риторика сосредоточилась на жертвах злодеяний прошлого и на моральной трансформации национальных общин, обремененных наследием исторических конфликтов. Еще в 1990 г., несмотря на протесты бескомпромиссных националистических деятелей, польский сенат принял резолюцию об осуждении операции «Висла», а также пообещал компенсацию ущерба украинцам, ставшим жертвами принудительных переселений. Резолюция положила начало дальнейшим инициативам польско-украинского примирения, улучшила международный имидж страны и дала импульс научным дискуссиям об истории XX столетия. И все же проблемные аспекты этой инициативы не прошли незамеченными. Критики обратили внимание на то, что этот шаг польских политиков был по сути полумерой, поскольку ответственность за операцию была однозначно возложена на коммунистический режим, а начавшаяся дискуссия о поддержке выселений польским обществом была приостановлена. Не менее проблематичным было и то, что от украинской стороны ожидали ответных действий и официального признания убийств на Волыни в формате, востребованном польскими политическими игроками.

Нужно отметить, что хотя в 1990-х и польская, и украинская стороны демонстрировали готовность наладить сбалансированный диалог о трагических страницах совместной истории, тем не менее «игры памяти» продолжились – причем не только из-за присущей «грамматике примирения» противоречивости³⁸ или асимметрии польских и украинских политических интересов, но также из-за недостатка убедительного и доходчивого интеллектуального дискурса, который бы озвучила украинская сторона. В Украине противоречивые реакции³⁹ на предложения польских деятелей обратиться к трагическому прошлому можно отчасти объяснить столкновением нескольких – иногда взаимодействующих, а иногда взаимоисключающих – тенденций официальной украинской политики памяти⁴⁰. Кроме того, когда речь заходит о волынской проблематике, следует учитывать

---

³⁷ См. von Geldern J. *Memory as the Anchor of Sovereignty: Katyn and the Charge of Genocide // Public Commemoration in Russia and Eastern Europe / Ed. J. Buckler, E. D. Johnson. Chicago, 2013. P. 263-284.*

³⁸ Zhurzhenko T. *Memory Wars and Reconciliation in the Ukrainian-Polish Borderlands: Geopolitics of Memory from a Local Perspective // History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games / Ed. G. Mink, L. Neumayer. Basingstoke, 2013. P. 174.*

³⁹ См.: Berdychowska B. *Ukraińcy wobec Wołynia // Zeszyty historyczne. 2003. № 146. P. 100-104.*

⁴⁰ См.: Narvselius E. «Bandera Debate»: Contentious Legacy of World War II and Liberalization of Collective Memory in Western Ukraine // *Canadian Slavonic Papers. 2012. Vol. 54. № 3-4. P. 469-490.*

ощутимый разрыв между мнемоническими дискурсами, разворачивающимися на местном уровне, и историческим знанием, доступном в общеукраинском масштабе. В течение многих десятилетий польско-украинский конфликт смутно сохранялся в памяти волынян и галичан⁴¹, но оставался неизвестным в остальных регионах Украины⁴². С обретением Украиной независимости ситуация практически не изменилась.

Несмотря на все различия, и официальный советский нарратив, и украиноцентричная историография 1990-х не обращались к теме довоенного этнического разнообразия польско-украинского пограничья и радикального изменения демографии края в результате «антипольской акции» 1943-1944 гг. и последующих переселений. Американские историки украинского происхождения Роман Шпорлюк и Франк Сысин нарушили табу в 1989⁴³. Массовая украинская аудитория впервые узнала об этой главе национальной истории в трактовке другого диаспорного исследователя, Ореста Субтельного, чья популярная книга *Украина: история* была издана в украинском переводе в 1991 г. Историк указал на взаимный характер резни: «...и украинские, и польские вооруженные отряды приняли участие в поголовной бойне, ставшей кровавым апогеем ненависти между двумя народами, которая усугублялась из поколения в поколение»⁴⁴. Тем не менее, учебники истории, опубликованные в Украине на пятом году независимости, содержали лишь эпизодичное и эвфемистическое упоминание о польско-украинском «политическом антагонизме», а само слово Волынь там даже не упоминалось⁴⁵. В то время внимание украинской публики было сосредоточено на таких исторических событиях, как операция «Висла» и выселения украинцев⁴⁶, то есть темах, которые, подобно Голодомору 1932-1933 гг. и Чернобыльской катастрофе, намного лучше вписывались в институционализированный после 1991 г. нарратив об украинцах как нации жертв⁴⁷.

⁴¹ Как выяснилось в ходе социологического опроса, организованного в 2003 году в Луцке Центром Разумкова (Киев), большинство респондентов (41,3 %) полагали, что в ходе Волынского конфликта наиболее массовыми были жертвы среди украинцев. Кроме того, большинство (38,7 %) были уверены, что конфликт начали поляки (Berdychowska. *Ukraińcy wobec Wołynia*. P. 70).

⁴² Осипян. Этнические чистки... С. 321; Berdychowska. *Ukraińcy wobec Wołynia*. P. 69-70.

⁴³ Berdychowska. *Ukraińcy wobec Wołynia*. P. 102.

⁴⁴ Субтельный О. *Україна: історія*. К., 1993. С. 583.

⁴⁵ Портнов А. Українські інтерпретації Волинської різанини // *І*. 2013. № 74. http://www.ji.lviv.ua/n74texts/Portnov_Ukrainiski_interpretacii.htm. Последнее посещение 14 сентября 2016. Примечательно, что и популярный учебник польской истории XX века Антония Чубинского, изданный в 2000 году, представляет лишь очень общую информацию по теме: «Во время войны происходили национально мотивированные убийства и бои на польско-украинской и польско-литовской границе. Они привели к большому количеству жертв с обеих сторон» (Antoni Czubiński. *Historia Polski XX wieku*. Poznań, 2000. P. 248.)

⁴⁶ См., например, трехтомный сборник, посвященный этой теме. Первый том был опубликован в 1996 году: *Депортації: Західні землі кінця 30-х – початку 50-х рр. Документи, матеріали, спогади* / Ред. Ю. Сливка. Т. 1-3. Львів, 1996-2000.

⁴⁷ Jilge W. *Competing Victimhoods: Post-Soviet Ukrainian Narratives on World War II // Shared History – Divided Memory: Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939-1941* / Ed. E. Barkan et al. Göttingen, 2007. P. 108.

В начале 1990-х привычная советская практика подчинения идеологической указке сверху была прервана⁴⁸. Украинские историки получили возможность «самостоятельно влиять на конъюнктуру идеологического рынка»⁴⁹. Несмотря на разные подходы и приоритеты, в середине 1990-х польские и украинские исследователи начали обсуждать ранее замалчиваемые аспекты польско-украинских исторических отношений. На протяжении 1990-х годов несколько авторитетных украинских историков приняли участие в дискуссии о волынских событиях на страницах популярного польского ежедневника *Gazeta Wyborcza*⁵⁰. Был также организован ряд международных научных конференций и семинаров, посвященные этой теме⁵¹. Наиболее продуктивными и резонансными стали тринадцать международных исторических семинаров «Польша-Украина: трудные вопросы», состоявшихся в 1996-2008 гг.⁵² Этот двусторонний форум был инициирован центром «Karta» – польской общественной организацией, занимающейся освещением недавней истории Польши и Центрально-восточной Европы. Среди его организаторов числились Объединение ветеранов Армии Крайовой⁵³ и Союз украинцев в Польше. Участвовать в обсуждении исследовательских проблем пригласили лишь ограниченное число авторитетных профессиональных историков. Тем не менее, дискуссии между польскими и украинскими экспертами были довольно эмоциональными и не всегда беспристрастными⁵⁴. Дальнейшие семинары также подтвердили, что польские историки были лучше подготовлены к обсуждению комплексной тематики польско-украинского конфликта на Волыни и в восточной Галиции благодаря поддержке на государственном уровне, доступу к архивам и знакомству с новейшими методологическими подходами – то есть тому, чего зачастую сильно не хватало их украинским коллегам. Тем не менее, благодаря эффективной организации и поддержке со стороны частных спонсоров и государственных учреждений было обсуждено 35 научно-исследовательских

⁴⁸ Касьянов Г. Современное состояние украинской историографии: методологические и институциональные аспекты // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 509.

⁴⁹ Kasianov G. Revisiting the Great Famine of 1932-1933: Politics of Memory and Public Consciousness (Ukraine after 1991) // *Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe after 1989* / Ed. M. Kopeček. Budapest, N.Y., 2008. P. 200.

⁵⁰ Ключевые материалы дискуссии в *Gazecie Wyborczej* были позднее воспроизведены в сборнике *Волинь: дві пам'яті* (Київ, Варшава, 2008), изданном Объединением украинцев в Польше.

⁵¹ См. Грицак Я. Украинская историография 1991-2001: десятилетие перемен // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 433; Осипян. Этнические чистки... С. 318-319.

⁵² Подробнее о работе этих семинаров см.: Rezmer W. Ethnic Changes in Volhynia and Eastern Galicia during the Second World War in the Light of the Work of the «Poland-Ukraine: Difficult Questions» International Historical Seminar // *Divided Eastern Europe: Borders and Population Transfer, 1938-1947* / Ed. A. Dyukov, O. Orlenko. Newcastle upon Tyne, 2012. P. 121-131, а также: Пачковський А. Польща і Україна, складні відповіді // *Європа та її болісні минувшини* / Ред. Ж. Мінк, Л. Неймайер. Пер. з фр. Є. Марічева. К., 2009. С. 142-153.

⁵³ Армия Крайова (Armija Krajowa) – вооруженные отряды польского подполья, воевавшие на оккупированных польских территориях – была одной из главных сторон межэтнического конфликта на Волыни и в Галичине.

⁵⁴ Пачковський. Польща і Україна... С. 148-153; В'ятрович В. Друга польсько-українська війна 1942-1947. К., 2012. С. 306.

проблем, связанных с польско-украинскими конфликтами 1940-х, опубликованы 14 томов научных работ на двух языках и собрана обширная фактография событий⁵⁵.

Примечательно, что уже на ранних стадиях сотрудничества польские и украинские историки осознавали необходимость определения аспектов, в которых намечались наиболее острые разногласия⁵⁶. В спорах о Волыни принципиальными моментами полемики стали определение количества погибших, выяснение отправной точки событий, а также степень планирования и координации вооруженных нападений. Неудивительно, что яблоком раздора в этом контексте стала оценка ОУН и УПА. В зависимости от того, какие ответы давались на основные вопросы, трактовки массового уничтожения польского населения резко отличались. Наибольшую поддержку в кругах профессиональных историков, а затем в широких кругах населения Польши получило толкование событий либо как геноцида (*ludobójstwo*), либо же как этнической чистки польского населения, произошедших при непосредственном участии и подстрекательстве украинских националистических формирований. Что же касается украинской стороны, то тут широко распространенной стала точка зрения на кровопролитие как на побочное следствие борьбы за национальное освобождение, основными силами которого выступали именно ОУН и УПА. Учитывая позитивистский характер дискуссии о Волыни⁵⁷, редко поднимались вопросы комплексного исследования социально-культурной среды, в которой произошли массовые убийства, а также необходимости больше узнать о жертвах и их отношениях с преступниками и свидетелями преступлений⁵⁸. Сосредоточенность на объяснении политических причин насилия и на выяснении точного количества жертв отвлекла внимание и от объяснения не таких уж редких случаев взаимной помощи и спасения⁵⁹, которые могли бы пролить дополнительный свет на контекст ужасных событий. Тем не менее, несмотря на трудности диалога, академические круги проявили стремление к беспристрастному анализу кровавых польско-украинских конфликтов XX столетия и попытались обосновать свои интерпретации, опираясь на доступный материал.

---

⁵⁵ Rezmer. *Ethnic changes...* P. 128; Пачковський. *Польща і Україна...* С. 142-153.

⁵⁶ Протокол розбіжностей. Фрагмент «Польсько-українського комюніке», який стосується «кривавого конфлікту обох народів у роках 1941-1944» після чергової історичної сесії з циклу «Важкі питання» // Волинь: дві пам'яті. Київ, Варшава, 2009. С. 96-98.

⁵⁷ Rossoliński-Liebe. *Der polnisch-ukrainische Historikerdiskurs...* P. 56.

⁵⁸ Портнов. Українські інтерпретації. В Україні одним из немногих исключений из правила остается опубликованная более десяти лет назад статья Андрея Заярнюка: Виконавці етнічної чистки поляків на Волині як інтелектуальна проблема // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2003. Т. 10. Волинь і Холмщина 1938–1947: польсько-українське протистояння та його відлуння. С. 261-286.

⁵⁹ Этот пробел был впоследствии заполнен публикацией польского Института национальной памяти: *Księga sprawiedliwych, 1939-1945: o Ukraińcach ratujących Polaków poddanych eksterminacji przez OUN i UPA* / Opracował R. Niedzielko. Warszawa, 2007.

С изменением политического климата 2000-х гг. начавшееся в предыдущем десятилетии сближение между польскими и украинскими историками приостановилось. Польское общество избавлялось от симптомов социалистического прошлого и готовилось к предстоящему вступлению в ЕС. В то время перспектива европейской интеграции стимулировала пересмотр новейшей истории Польши в свете «европейских» морально-политических оценок и практик осмысления трудного прошлого. Начало 2000-х было глубоко отмечено «болезненным польским самодопросом»⁶⁰ об истреблении евреев их польскими соседями в Едвабном. В то же время различные политические силы, пытавшиеся оказать давление на ЕС, вновь заговорили о «предательстве» в Ялте в 1945 г. и других исторических травмах Польши⁶¹. Что же касается Украины, то ее европейские перспективы выглядели все более неопределенными. Международная репутация государства была серьезно дискредитирована в результате ряда скандалов, которые продемонстрировали коррупцию и кризис власти в верхах.

В этих условиях стали очевидными две тенденции. С одной стороны, исторические притеснения и страдания украинского народа получили новый политический резонанс. В этом плане особенно показательными были усилия украинского руководства законодательно закрепить трактовку Великого голода 1932-1933 гг. (Голодомора) как геноцида⁶². Однако, с другой стороны, стала очевидной определенная либерализация культуры памяти. С обретением Украиной независимости прошлое страны стало «открытой территорией», где множество интерпретаций становится предпосылкой различных подходов к инструментализации исторических нарративов.

Обращение к нескольким памятным датам польско-украинской истории – 60-й годовщине изгнания украинцев из Польши и поляков из СССР (2004 г.), событиям на Волыни (2003 и 2004 гг.) и годовщине операции Висла (2007 г.) – показало, что «терапия примирения и прощения», начатая в 1990-х, стала все чаще принимать форму «открытия "ран" в целях подтверждения своего отличия»⁶³. В частности, тема Волыни стала предметом осмысления украинскими историками, «агентами памяти» и политиками. Большинство интерпретаций, тем не менее, имели одну общую черту: они так или иначе настаивали на том, что ответственность за истребление польского гражданского населения не лежит всецело на

---

⁶⁰ Müller J.-W. On «European Memory»: Some Conceptual and Normative Remarks // *A European Memory? Contemporary Histories and Politics of Remembrance* / Ed. M. Pakier, B. Strâth. N.Y., 2010. P. 32.

⁶¹ Осипян. Этнические чистки... С. 234-235; Wolczuk K. Poland, Belarus & Ukraine Report: March 4, 2003 // *Radio Free Europe, Radio Liberty*. 19 декабря 2012. <http://www.rferl.org/content/article/1344019.html>. Последнее посещение 14 сентября 2016; Mink G., Neumayer L. Introduction // *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe...* P. 12.

⁶² См., напр.: Kasianov G. Revisiting the Great Famine of 1932-1933. P. 197-219; Касьянов Г. Разрытая могила: голод 1932-1933 годов в украинской историографии, политике и массовом сознании // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 237-269; Касьянов Г. Danse macabre. Голод 1932-1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті – початок 1990-х). К., 2010.

⁶³ Mink, Neumayer. Introduction. P. 11.

украинском националистическом движении⁶⁴. Оборонительный характер и полифония аргументов, предложенных украинскими деятелями, с одной стороны, и стремление польских кругов преимущественно консервативной ориентации обеспечить «принудительное извинение»⁶⁵ с другой, сделали официальные жесты примирения довольно болезненным процессом⁶⁶.

В связи с 60-летием волинских событий польская и украинская стороны публично заявили о стремлении к примирению. Официальные мероприятия по увековечению жертв были организованы в местах массовых захоронений на высоком политическом уровне⁶⁷. В 2002 г. президент Квасьневский официально осудил операцию «Висла», организованную коммунистическим правительством в 1947 г. Сразу же после этого распространились слухи о том, что украинский президент принесет официальное извинение за антипольские акции УПА на Волини и в Галичине. Тем не менее, несмотря на демонстрацию символических жестов примирения во время совместных поминовений волинских жертв, в своих речах и декларациях польские и украинские политики явно избегали давать четкие определения случившемуся и просить о прощении. Декларация о примирении по случаю 60-й годовщины волинских событий, подписанная президентами Кучмой и Квасьневским во время церемонии увековечения памяти польских жертв в Павловке (Порицке), содержала формулировки, явно навеянные «европейской» морально-политической риторикой, но в целом документ был слишком двусмысленным и эвфемистичным. Декларация упоминала как трагедию, так и преступление; и поляки, и украинцы были названы жертвами, но при этом не поднимался вопрос о преступниках⁶⁸. Определения волинских массовых убийств, на которых изначально настаивала польская сторона (т.е. этнические чистки или геноцид), также, как и четкая формула извинения, в тексте не упоминались. Именно эти обтекаемые формулировки, которые по большому счету выражали уважение к жертвам и апеллировали к христианской ценности прощения, и стали причиной

---

⁶⁴ См.: Berdychowska. *Ukraińcy wobec Wołynia*. P. 99-100.

⁶⁵ Wolczuk. *Poland, Belarus & Ukraine Report*.

⁶⁶ Показательным примером того, что даже символические жесты примирения отнюдь не являются легко достижимыми, стали разногласия в связи с официальным открытием в 2005 году восстановленного польского Пантеона защитников Львова. Согласие на его открытие было дано официальными представителями Польши и Украины еще в 1999 году, но само торжество неоднократно откладывали из-за сопротивления львовских политиков давлению как польской, так и украинской высших властей. Когда настало время почтить другой трагический эпизод польской истории XX века, а именно расстрел львовских профессоров нацистами в 1941 году, событие было организовано на местном уровне совместными усилиями муниципальных властей Львова и Вроцлава и прошло в целом в более нейтральной атмосфере. См.: Narvselius E. *Polishness as a Site of Memory and Arena for Construction of a Multicultural Heritage in L'viv // Whose Memory? What Future? Remembering Ethnic Cleansing and Lost Cultural Diversity in Central and Eastern European Cities / Ed. B. Törnquist-Plewa. Oxford, N.Y., 2016. P. 87-92.*

⁶⁷ См. об этом: Zhurzhenko. *Memory Wars and Reconciliation...* P. 173-192.

⁶⁸ Спільна заява Президента України і Президента Республіки Польща «Про примирення – в 60-ту річницю трагічних подій на Волині» // Поступ. 16 июня 2003. <http://postup.brama.com/usual.php?what=11890>. Последнее посещение 4 сентября 2013.

резкой критики обоих президентов. В то время как польские публицисты упрекнули Квасьневского в «умиротворении»⁶⁹ и неспособности добиться явного извинения от Кучмы, у себя дома украинский президент был обвинен в отсутствии патриотизма и потакании польской политической элите. К тому же попытка непопулярного президента говорить от имени всей нации не вызывала доверия многих западных украинцев и, по сути, ее легитимность подвергли сомнению⁷⁰. Тем не менее, ультраправые политические силы, в частности, ВО «Свобода»⁷¹, выразили свою поддержку Кучме за то, что он не уступил полякам⁷².

Можно утверждать, что 60-я годовщина Волыни стала поворотным пунктом для выразителей общественного мнения в Украине, поскольку она подтвердила, насколько важно было в сложившейся ситуации принимать во внимание особенности европейской символической политики и создавать условия для широкой общественной дискуссии о ранее замалчиваемых исторических событиях. В отличие от 1990-х, к теме Волыни в начале 2000-х обратились не только узкие круги профессиональных историков и организаций, объединяющих переживших убийства и переселения жителей приграничных территорий и их родственников. Напротив, она перестала быть объектом сугубо экспертного и регионального интереса, поскольку привлекла внимание более широких кругов интеллигенции и интеллектуалов и, более того, довольно широко освещалась в средствах массовой информации национального значения. Несмотря на противоречивые итоги официальных церемоний, 60-я годовщина Волыни продемонстрировала, что категорическое отрицание массовых убийств польского населения Волыни и Галичины отнюдь не является позицией, характерной для украинской стороны⁷³. В то же время круги либеральной и либерально-националистической интеллигенции осознали, что вместо отрывочных ответных заявлений необходимо сформулировать аргументы, которые бы давали более четкое представление о позиции украинской стороны в польско-украинском диалоге о трагичном прошлом. Западно-украинский интеллектуал Тарас Возняк сформулировал эту задачу как «установ-

---

⁶⁹ Wolczuk. Poland, Belarus & Ukraine Report.

⁷⁰ Copsey N. Remembrance of Things Past: The Lingering Impact of History on Contemporary Polish-Ukrainian Relations // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60. № 4. P. 531-560; Zhurzhenko. Memory Wars and Reconciliation...

⁷¹ Всеукраинская объединение «Свобода» – новое название, принятое в 2004 г. Социально-национальной партией Украины (СНПУ). Идеологическим прототипом «Свободы» является ОУН и, соответственно, партия концентрирует свои усилия на искоренении коммунистической идеологии в Украине и на защите украинского народа как общности крови и духа. В 2004 году партия поддержала Виктора Ющенко, но после антисемитских высказываний своего лидера Олега Тягнибока, она лишилась членства в блоке Ющенко «Наша Украина». С 2006 г. «Свобода» принимала участие в выборах в качестве независимой партии и с 2009 г. ее популярность резко возросла. Хотя в связи с Евромайданом и последующим политическим кризисом в Украине «Свобода» потеряла часть электоральной поддержки, она по-прежнему занимает прочную позицию в ряде западно-украинских областей.

⁷² Коментарі // Поступ. 15 июня 2003. <http://postup.brama.com/usual.php?what=11848>. Последнее посещение 4 сентября 2013.

⁷³ Berdychowska. Ukraińcy wobec Wołynia. P. 101.

ление иного дискурса дискуссии для двух обществ, польского и украинского»⁷⁴. В итоге, можно констатировать, что Волынь постепенно превратилась из исторической темы в проблему памяти⁷⁵, а беспристрастный профессиональный подход историков уступил место заангажированности политических игроков и «антрепренеров памяти»⁷⁶, поддерживающих интерес к данной теме по ряду причин не только познавательного характера.

Всплеск интереса к исторической проблематике стал особенно заметным в украинской общественной сфере с приходом к власти в 2005 г. «оранжевых» политиков. В годы правления Виктора Ющенко заметно оживились дискуссии вокруг таких резонансных тем, как советский тоталитаризм, наследие ОУН и УПА, Голодомор, Холокост и Волынь. Их обсуждение способствовало дальнейшему формированию несоветских, последовательно националистических нарративов о прошлом, но вместе с тем закрепило риторику европейской «политики сожаления»⁷⁷ в дискурсах медиа и официальных учреждений. На этом фоне все четче стала проявляться тенденция инструментализации исторических нарративов в политических целях⁷⁸. Во многих случаях официальные интерпретации украинского прошлого не смогли выйти за пределы повествования о нации-жертве и использовать европейские модели политики памяти, которые выдвигают на передний план моральный выбор и поиск универсальных ценностей посредством обращения к прошлому⁷⁹. Противоречия и крайности украинской политики памяти в этот период (2005-2010 гг.) стали особенно очевидными в связи с официальным курсом на героизацию ОУН и УПА.

Дискуссии в связи с 70-й годовщиной Волыни отличались от предыдущих этапов полемики в нескольких важных аспектах. В общем и целом, в 2013 г. не было недостатка в примирительной риторике и заявлениях о солидарности со стороны политиков, общественных организаций, активистов, представителей интеллигенции и церкви. Однако, в отличие от 1990-х и начала 2000-х, польско-

---

⁷⁴ Засідання Галицького дискусійного клубу «Митуса» 1 серпня 2012 року. // Youtube. http://www.youtube.com/watch?v=iPCy_up8yE. Последнее посещение 18 сентября 2014.

⁷⁵ О дискуссии относительно различных позиций профессиональных историков и активистов в сфере памяти см., напр.: Pakier M., Stråth B. Introduction // *A European Memory? P.* 5-8; Lee Klein K. *On the Emergence of Memory in Historical Discourse // Representations.* 2000. № 69. P. 127-150.

⁷⁶ Подробнее об этом термине см.: Mink G. *Geopolitics, Reconciliation, and Memory Games: For a New Social Memory Explanatory Paradigm.* 2009.

<http://www.ukrainianstudies.uottawa.ca/pdf/Mink%202009.pdf>. Последнее посещение 8 сентября 2016. См. также главы, написанные Сесиль Жуано (Cécile Jouhanneau), Сарой Фатнберг (Sarah Fatnberg) и Татьяной Журженко в книге: *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe...*

⁷⁷ Olick J. K. *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility.* N.Y., L., 2007.

⁷⁸ Osipian Ararat L., Osipian Alexander L. *Regional Diversity and Divided Memories in Ukraine: Contested Past as Electoral Resource, 2004-2010 // East European Politics and Societies.* 2012. Vol. 26. P. 616-642.

⁷⁹ Karlsson K.-G. *The Holocaust as a Problem of Historical Culture: Theoretical and Analytical Challenges // Echoes of the Holocaust: Historical Cultures in Contemporary Europe / Ed. K.-G. Karlsson, U. Zander.* Lund, 2003. P. 18-20.

украинский диалог о трудном прошлом прошел в атмосфере возрастающего «мнемонического» противостояния. Призывы к взаимным уступкам ради исторического примирения явно контрастировали с очевидным – и на национальном уровне, и на местах – нежеланием идти на реальный компромисс. Неудивительно, что публичные заявления интеллектуалов и интеллигенции в этой ситуации способствовали скорее укреплению, а не ослаблению полярности оценок.

Одно из самых радикальных мнений о том, что произошло во время войны в Волыни и Восточной Галиции, представил польский историк Рышард Шавловски, который в 2003 г. пустил в обиход термин «genocidium atroх», т.е. особенно жестокая, варварская форма геноцида⁸⁰. Хотя эта радикальная дефиниция не получила широкого признания, тем не менее, определение Волыни как геноцида (*ludobójstwa*) распространилось в польском общественном дискурсе, а в июле 2016 г. было закреплено законодательством. Перед этим, в 2009 г., польский парламент принял резолюцию, в которой украинский-польский конфликт на Волыни был определен как «массовое убийство, характеризующееся этнической чисткой и чертами геноцида»⁸¹ – компромиссная, но тем не менее выразительная формулировка, подсказанная авторитетными польскими историками. Отчасти эта мера была реакцией на посмертное присвоение звания Героя Украины главнокомандующему УПА Роману Шухевичу президентом Виктором Ющенко 12 октября 2007 г. Следующий шаг был предпринят в апреле 2013 г., когда Сейм Республики Польша порекомендовал принять резолюцию, в которой ОУН и УПА определялись как преступные организации, несущие ответственность за геноцид польского населения⁸². В июне 2013 г., после рассмотрения шести проектов резолюции, приуроченной к 70-й годовщине Волынской резни (в одном из них понятие геноцида не фигурировало вообще)⁸³, Сенат в конечном итоге проголосовал за резолюцию, содержащую формулировку «этническая чистка с элементами геноцида»⁸⁴.

Равно как и провозглашение в Украине Голодомора 1932-1933 гг. геноцидом, совершенным сталинским режимом (примечательно, что эту формулировку в 2006 г. опровергла Дума, но поддержал польский Сейм, а через четыре года ее отменил президент Украины Виктор Янукович), определение Волыни с использованием международной юридической терминологии имеет политическую

---

⁸⁰ Szawłowski R. *Ludobójstwo* // *Encyklopedia Białych Plam*. Т. XI. Radom, 2003. P. 174.

⁸¹ Bronisław Komorowski, Marszałek Sejmu. «Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 15 lipca 2009 r. w sprawie tragicznego losu Polaków na Kresach Wschodnich» // Website of the Sejm of the Republic of Poland. [http://orka.sejm.gov.pl/opinie6.nsf/nazwa/2183_u/\\$file/2183_u.pdf](http://orka.sejm.gov.pl/opinie6.nsf/nazwa/2183_u/$file/2183_u.pdf). Последнее посещение 4 сентября 2013.

⁸² См. текст: Польский Сейм готовится засудить УПА за геноцид // *Исторична Правда*. 18 апреля 2013. <http://www.istpravda.com.ua/short/2013/04/19/121271>. Последнее посещение 4 сентября 2013.

⁸³ Это был проект резолюции, предложенный правящей партией «Гражданская платформа».

⁸⁴ *Правляча партія Польщі відмовилася від слова «геноцид» у резолюції Сейму* // *Исторична Правда*. 6 июня 2013. <http://www.istpravda.com.ua/short/2013/06/6/125575>. Последнее посещение 4 ноября 2013.

подоплеку. Приверженцы польско-украинского примирения сразу же предположили, что подобная стратегия историзации⁸⁵ будет иметь негативные последствия для диалога польских и украинских либерально-демократических сил⁸⁶. Тем не менее, однозначные определения польско-украинского противостояния к тому времени прочно вошли в риторику актеров разного толка, стремящихся заработать политические дивиденды. Усилия сравнять счет в играх памяти вокруг «двух геноцидов», Волыни и Голодомора, смогли продолжиться на фоне изменяющихся политических обстоятельств.

В ответ на консолидацию польского общественного мнения украинская сторона в последние десять лет стала более настойчиво предлагать свои собственные стратегии интерпретации Волыни. В настоящее время толкования, совместимые с польскими официальными формулировками, последовательно поддерживает лишь довольно узкий круг либерально настроенных украинских историков⁸⁷. Определение массовых убийств поляков в 1943-1944 гг. как этнической чистки близко подходит к понятию геноцида как тягчайшего международного преступления, но, тем не менее, оно ставит под сомнение идею тотального уничтожения определенных групп населения как главной цели насилия⁸⁸. В отличие от интерпретаций Волыни как геноцида или этнической чистки, сторонники новых украиноцентричных версий истории двадцатого века часто сигнализируют отличие

---

⁸⁵ «...Историзирующие стратегии ставят целью заполучить две награды для своих приверженцев: статусное положение на международной арене и более сильную легитимность как патриотов в своей стране». Mink. *Geopolitics, Reconciliation, and Memory Games*. P. 6.

⁸⁶ См.: Кабачій Р. Виклик Волині // Тиждень. 4 марта 2013. <http://tyzhden.ua/Columns/50/73848>. Последнее посещение 4 декабря 2014; Шептицький А. Чи Варто засуджувати волинський злочин? // Тиждень. 27 апреля 2013. <http://tyzhden.ua/Columns/50/78533>. Последнее посещение 24 сентября 2013; У рішенні польського сейму зацікавлена Росія – історик // *Gazeta.ua*. 21 июня 2013. http://gazeta.ua/articles/history/_u-rishenni-polskogo-sejmu-zacikavlena-rosiya-istorik/503573. Последнее посещение 4 сентября 2013; Историк Богдан Гудь: «Суперечки про “геноцид” вигідні Росії» // *Історична Правда*. 19 июня 2013. <http://www.istpravda.com.ua/articles/2013/06/19/126446/>. Последнее посещение 4 сентября 2013; Портнов: тема Волині не є небезпечною для україно-польських відносин // *Обозреватель*. 12 июля 2013. <http://obozrevatel.com/interview/34865-portnov-tema-volini-ne-e-nebezpechnoyu-dlya-ukraino-polskih-vidnosin.htm>. Последнее посещение 4 сентября 2013.

⁸⁷ См., напр.: Jarosław Hrycak: «To było ludobójstwo». Z prof. Jarosławem Hrycakiem rozmawiał Wojciech Jankowski (Radio Wnet) // *Kurier Galicyjski*. 16 июля – 15 августа 2013. http://www.kuriergalicyjski.com/images/archiwum/kg/2013_13-14_185-186.pdf. Последнее посещение 4 сентября 2013; Грицак Я. Чому Волинські акції 1943 року таки були геноцидом, і що з цього випливає // *Волинь 1943. Сімдесята річниця злочину*. К., 2013. С. 14-20. <http://historians.in.ua/docs/monografiyi/39-wolyn.pdf>. Последнее посещение 4 сентября 2015; Зарянюк. Виконавці етнічної чистки поляків на Волині... С. 261-286; Портнов А. Відповідь польському другу // *Historians*. 6 сентября 2013. <http://historians.in.ua/index.php/en/zabuti-zertvy-viyny/838-slavomir-dembskyi-andrii-portnovpro-henotsyd-i-volyn-andrii-portnovvidpovid-polskomu-druhovi>. Последнее посещение 4 сентября 2013.

⁸⁸ Аргумент о том, что УПА не предполагала тотального уничтожения польского населения на территории Волыни, был недавно повторен Владимиром Вятровичем с привлечением архивных данных: В'ятрович В. Чи був геноцид? Документ із Волині 1943-го // *Історична Правда*. 29 августа 2016. <http://www.istpravda.com.ua/articles/2016/08/29/149183/>. Последнее посещение 15 сентября 2016.

своего подхода с помощью таких терминов, как «антипольская акция», «волынские события» или «волынская трагедия»⁸⁹ и избегают формулировок «волынская резня» или «волынского-галицкая резня»⁹⁰. Различные формулировки отражают различное видение объекта, представляющегося как взаимное кровопролитие в ходе масштабного межэтнического конфликта 1940-х гг., или же, альтернативно, как потери в ходе «второй польско-украинской войны»⁹¹, разразившейся на фоне нацистской оккупации и ставшей своеобразным реваншем за поражение украинцев в польско-украинской войне 1918-1919 гг.

Подобные объяснения в стиле «эффекта домино»⁹² не отрицают массовых убийств польских мирных жителей, но предполагают, по сути, вину обеих сторон конфликта и признание значительных жертв среди украинцев в ходе акций возмездия. «Анти-геноцидная» логика подобных интерпретаций становится очевидной, если сравнить ее с ключевым аргументом, озвученным противниками определения Голодомора как геноцида, а именно: Голодомор не был украинским случаем геноцида, поскольку особая этническая принадлежность жертв не играла существенной роли⁹³. В обоих случаях фокус смещается с этничности жертв на преимущественно социально-политические причины как механизм, запускающий маховик массового насилия⁹⁴. Бойню на Волыни и в Галичине, таким образом, возможно представить не как внезапную атаку против иноэтничного мирного населения, но как эпизод в длинной исторической цепи колониального угнетения и сопротивления, значительная часть ответственности за которые возлагается на польскую политическую элиту⁹⁵.

В 2013 г., когда в Польше полным ходом шла подготовка к 70-й годовщине Волыни, украинские политики высокого ранга обошли молчанием наболевшую те-

---

⁸⁹ Среди них авторитетные украинские историки и исследователи польско-украинских взаимоотношений Игорь Ильющин, Владимир Сергийчук и Ярослав Исаевич.

⁹⁰ Согласно веб-сайту, связанному с польским Институтом национальной памяти, формулировка «волынская» (или же волыньско-галицкая) резня» (*rzeź wołyńska, wołyńsko-galiczyjska*) является определением убийств поляков, общепринятым в польской историографии (*Polsko-ukraińskie spory historyczne o Zbrodnię Wołyńską*. <http://www.zbrodniawolynska.pl/spory-o-wolyn>. Последнее посещение 30 сентября 2015). Авторитетный польский историк Гжегож Мотыка также указывает на то, что толкование *Wołyńia* как геноцида ныне является широко распространенным в польском общественном дискурсе. См.: Мотыка G. *Cień Kłuma Sawura: polsko-ukraiński konflikt pamięci*. Gdańsk, 2013. P. 6-7.

⁹¹ В'ятрович. Друга польсько-українська війна... См. дискуссию вокруг этой книги в: *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 351-433.

⁹² Rudling P. *Warfare or War Criminality?* // *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 362.

⁹³ См. об этом главу «Голодомор 1932-1933 годов как вызов для теории геноцида: Интеллектуальные генеалогии современных дебатов» в книге: Портнов А. *Упражнения с историей по-украински*. М., 2010. С. 205-209.

⁹⁴ Rudling P.A. *Memories of «Holodomor» and National Socialism in Ukrainian Political Culture // Rekonstruktion des Nationalmythos? Frankreich, Deutschland und die Ukraine im Vergleich* / Ed. Y. Bizeul. Göttingen, 2013. P. 234-235.

⁹⁵ Berdychowska. *Ukraińcy wobec Wołyńia*. P. 71-89; Rezmer. *Ethnic Changes in Volhynia...* P. 124.

му⁹⁶. Более того, президент Янукович, сославшись на «объективные обстоятельства», не принял участия в межправительственной официальной церемонии в Луцке, которую 14 июля посетил президент Коморовский⁹⁷. Летом 2014 г. в связи с начавшейся войной в Донбассе и все более напряженными отношениями с Россией увековечение жертв Волыни отошло на второй план и в Украине, и в Польше. На фоне временного затишья в полемике вокруг Волыни интерпретация этого кровавого конфликта как второй польско-украинской войны укоренилась в Западной Украине. К примеру, выставка, организованная в 2013 г. в Музее освободительной борьбы⁹⁸ (филиале исторического музея Львова, который находится в государственном подчинении), представила события на Волыни как «трагедию» и «вооруженный конфликт». Экспонированные на ней документы были сосредоточены на притеснениях украинского меньшинства в межвоенном польском государстве и, таким образом, подтверждали «эффект домино». Более того, в фокусе выставки оказались недавние увековечения памяти украинских жертв «польского террора» на территории Польши.

Еще одним примером такого рода институциональной поддержки упомянутой трактовки событий стал круглый стол «Польско-украинский конфликт 1942-1947 как война», организованный Львовским областным советом в мае 2013 г. Ключевая лекция была прочитана Владимиром Вятровичем, последовательным сторонником концептуализации Волыни как «второй польско-украинской войны», основными силами которой выступали военизированные структуры польского подполья (в частности, Армия Крайова) и украинское националистическое движение и УПА. С выходом нескольких широко анонсированных книг Вятровича и с назначением их автора директором Украинского института национальной памяти в марте 2014 г. эта интерпретация стала если не общепринятой, то по крайней мере популярной и обсуждаемой⁹⁹. Способствует ее укоренению в Украине и

---

⁹⁶ Впрочем, нужно упомянуть о скандале, вызванном посланием 148 депутатов украинского парламентского большинства депутатам Сейма. Представители Партии регионов и коммунисты выступили с призывом признать Волынь геноцидом, совершенным украинскими националистами: http://tvi.ua/new/2013/07/05/komunisty_ta_rehionaly_prosyat_vyznaty_volynsku_trahediyu_henosydom_polyakiv. Последнее посещение 15 сентября 2016.

⁹⁷ Коморовський без Януковича вшанує у Луцьку пам'ять жертв трагедії на Волині // iPress. http://ipress.ua/news/komorovskyu_vshaniu_pamyat_zhertv_volynskoi_tragedii_bez_yanukovycha_22733.html

⁹⁸ «У Музеї визвольної боротьби відкрили виставку, присвячену Волинській трагедії» // Новини Львівської міської ради. 12 июля 2013. <http://city-adm.lviv.ua/portal-news/society/public-sector/212364-u-m...oi-borotby-ukrainy-vidkryly-vystavku-prysviachenu-volynskii-trahedii>. Последнее посещение 15 сентября 2016.

⁹⁹ Тем не менее, в одном интервью, датированном концом 2014 года, Вятрович предложил обновленный вариант видения украинского-польских отношений во время Второй мировой войны. На фоне нынешнего противостояния с Россией он напомнил, что несмотря на взаимную вражду польские и украинские комбатанты иногда объединяли свои усилия в борьбе против советского режима. См.: W. Wiatrowycz: «Dla Ukrainy pamięć historyczna to podstawa do formowania tożsamości narodowej» // Polukrnet. 3 ноября 2014. <http://www.polukr.net/2014/11/w-wiatrowycz-dla-ukrainy-pamiec-historyczna-to-podstawa-do-formowania-tozsamosci-narodowej>. Последнее посещение 15 сентября 2016.

принятый в 2015 году пакет так называемых «декоммунизационных» законов, который закрепляет за ОУН и УПА статус борцов за независимость украинского государства в XX столетии и объявляет противоправным отрицание правомерности их борьбы¹⁰⁰.

В Польше такой поворот в затяжной «войне памяти», как и более позитивное отношение украинцев к ОУН и УПА на волне Евромайдана, были восприняты болезненно. Однако, радикальные политические меры последовали не сразу. Принятию резолюции о Волыни как геноциде 22 июня 2016 г. предшествовало несколько попыток повторного сближения, примирения и возобновления диалога. В частности, с принятием декоммунизационных законов польские и украинские историки, занимающиеся темой Волыни, получили возможность доступа к архивам Службы безопасности Украины. В связи с этим руководство польского и украинского институтов национальной памяти объявило о создании Польско-украинского форума исторического диалога, совместной исторической комиссии, одним из заданий которой было возобновление дискуссии о Волыни. Тем не менее, несмотря на возобновление академического сотрудничества и последовавшие символические жесты примирения (открытое письмо двенадцати украинских политиков и представителей интеллигенции, коленопреклонение президента Порошенко перед памятником жертвам Волыни в Варшаве), последовала вполне предсказуемая развязка. Социально-консервативная партия «Право и справедливость», еще будучи в оппозиции, настаивала на объявлении Волыни геноцидом. Приход партии к власти в 2015 г. ознаменовался довольно радикальным поворотом во многих важных вопросах политики памяти, в частности, в дискуссии о Едвабне и причастности польского населения к геноциду евреев во времена Второй мировой войны.

Долгосрочные последствия принятия польским Сеймом резолюции о Волыни как геноциде предугадать довольно сложно. Тем не менее, очевидно, что, расставив четкие морально-юридические акценты, в краткосрочной перспективе этот шаг нарушил шаткий баланс польско-украинской символической политики и стал сигналом для дальнейших радикальных ходов в польско-украинско-российском «треугольнике памяти»¹⁰¹. Одним из них стал незамедлительный «ответный удар» украинской стороны в форме регистрации проекта постановления «О чествовании памяти жертв геноцида, совершенного Польским государ-

---

¹⁰⁰ Закон України Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті // Голос України. 20 мая 2015. <http://www.golos.com.ua/article/254977>. Последнее посещение 1 сентября 2016.

¹⁰¹ Портнов А. Історії для домашнього вжитку: есеї про польсько-українсько-російський трикутник пам'яті. К., 2013.

ством по отношению к украинцам в 1919-1951 годах»¹⁰² и резонансного заявления Верховной Рады от 8 сентября 2016 г.¹⁰³

Следует отметить, что «мнемоническое сопротивление»¹⁰⁴ значительной части украинской публики определению Волыни как геноцида возникло не случайно. Объяснения в ключе «эффекта домино» имеет много общего с марксистско-ленинским положением о межэтнических конфликтах как скрытой классовой борьбе, а также с самооправданием, озвученным лидерами украинских националистических сил – в частности, последним командиром УПА Василем Куком¹⁰⁵. Живучесть этого аргумента, который делает акцент на симметричности жертв и таким образом преуменьшает ответственность украинской стороны, можно также списать на наследие советской «культуры безответственности»¹⁰⁶. В поисках объяснений масс-медиа время от времени прибегают к риторике антиколониализма (надо сказать, отнюдь не в ее академически и философски рафинированных вариантах) и пытаются представить Волынь как оправданный ответный удар колонизированного украинского народа в ответ на притеснения колониальной польской власти. Тем не менее, если искать объяснения в особенностях современной социально-политической ситуации в Украине, то, пожалуй, стоит обратиться к идеям Майкла Биллига о том, что в отличие от «банального национализма» конфронтативная риторика в стиле «right or wrong, my country» (правильно или нет – моя страна [права]) преобладает в таких исторических обстоятельствах, когда нет уверенности в непрерывности и выживании нации¹⁰⁷. Поскольку в современной Украине национальное строительство, безусловно, не является «банальным» вопросом, то напоминания о том, что историческое прошлое нации содержит одиозные эпизоды, могут быть легко истолкованы как сознательная (и щедро оплаченная) попытка дестабилизации и поэтому сталкиваются с реакцией явного или завуалированного неприятия.

Подобный способ мышления препятствует более гибкому и свободному формулированию современной коллективной идентичности, которая позволила бы интегрировать укорененность в традициях и истории с возможностью выбора в соответствии с запросами нынешнего дня. В дискуссии о Волыни большинство украинских участников настаивают на виктимизации и позиционировании украинцев как постоянно угнетаемого объекта колониальных сил. В то же время практически остается незамеченным, что если абстрагироваться от чисто пропа-

---

¹⁰² У Раді запропонували визнати геноцид українців у Польщі в 1919-1951 роках // ZN.UA. 3 августа 2016. <http://dt.ua/POLITICS/u-radi-zaproponovali-viznati-genocid-ukrayinciv-u-polschi-v-1919-1951-rokah-215308>. Последнее посещение 15 сентября 2016.

¹⁰³ Верховна Рада прийняла заяву-відповідь на ухвалу своїх польських колег щодо геноциду на Волині // Zbruc. 8 сентября 2016. <http://zbruc.eu/node/55902>. Последнее посещение 15 сентября 2016.

¹⁰⁴ Olick. The Politics of Regret. P. 139.

¹⁰⁵ Мотыка Г. Неудачная книга // Ab Imperio. 2012. № 1. С. 391.

¹⁰⁶ Попович М. «Волинь»: наше і не наше горе // Критика. 2003. № 5.

¹⁰⁷ Billig M. Banal Nationalism. L., 1995. P. 8-9.

гандистского употребления антиколониального дискурса в Восточной Европе, то современные постколониальные исследования предлагают концепции, которые ставят под вопрос привилегированное моральное положение, как правило приписываемое угнетенному колониальному субъекту. В частности, понятие «субалтерного геноцида» (*subaltern genocide*) оспаривает распространенное мнение о том, что только «угнетатели» и колонизаторы могут нести принципиальную ответственность за всплески массового насилия против населения определенных категорий, причем не только этнических¹⁰⁸. Если бы признание Волыни примером субалтерного геноцида удалось популяризовать, то эта компромиссная формулировка позволила бы и украинской, и польской стороне предотвратить «игры памяти» вокруг Волыни как антагонистическое действие с нулевой суммой. Академически нейтральная подоплека этой интерпретации, возможно, могла бы стать действенным аргументом против обвинений в отсутствии патриотизма для ее возможных сторонников в Украине. Преимущество этой интерпретации в том, что она предлагает более четкое юридическое определение, от которого будет больше пользы, чем от эмоционально окрашенного метафорического языка (см. следующую главу) или же от прямолинейной политической риторики, представляющей всех без исключения участников национального движения «рыцарями без страха и упрека».

Вместе с тем следует обратить внимание на еще один – не настолько очевидный, но все же важный – подтекст рассмотрения Волыни в отрыве от сугубо этнической проблематики, на чем настаивают некоторые западноукраинские участники дискуссии. Вполне очевидные усилия патриотически ориентированных интеллектуалов и политических активистов¹⁰⁹ приуменьшить значение именно этничности жертв и преступников в объяснении истоков насилия в значительной мере связаны с пониманием украинского наследия как символического выражения достижений нации. При этом нация рассматривается в первую очередь как этнокультурный феномен. Акцент на этнической подоплеке массовых убийств ставит под удар попытки сегодняшних западноукраинских элит сформировать из выборочно представленного довоенного прошлого такое куль-

---

¹⁰⁸ Адам Джонс и Николас А. Робинс сформулировали это понятие таким образом: «... "субалтерный геноцид": случаи, в которых подчиненные субъекты – те, кто объективно являются угнетенными и бесправными, – перенимают геноцидные стратегии, чтобы одолеть своих угнетателей. Под "геноцидными стратегиями" мы имеем в виду такие стратегии, в которых объектом уничтожения является все население, определяемое реальной или приписанной коллективной идентичностью. Эта идентичность может быть национальной, расовой, этнической или религиозной, если апеллировать к четырем критериям, упомянутым в Конвенции ООН о геноциде 1948 года; или же она может быть основанной на политической принадлежности, социальному классу или гендерной идентичности, если перечислять три следующих критерия, которые прочно укоренились в литературе компаративных исследований геноцида». Jones A., Robins N.A. Introduction: Subaltern Genocide in Theory and Practice // *Subaltern Genocide in Theory and Practice* / Ed. N.A. Robins, A. Jones. Bloomington, Indianapolis, 2009. P. 3.

¹⁰⁹ См., например, аргумент Владимира Вятровича, упомянутый в: Berdychowska. *Ukraińcy wobec Wołynia*. P. 92.

турное наследие, которое бы стало важным ресурсом для региональных инвестиций, брендинга городских пространств, туризма и создания собственного имиджа как «толерантного общества европейского типа». Свидетельства того, что всего-навсего семьдесят лет назад незначительная часть украинского общества смогла мобилизовать своих земляков на истребление поляков на огромной территории, могут привести к прямолинейному выводу о том, что этнический антагонизм между поляками и украинцами актуален на всех уровнях, чрезвычайно интенсивен и по сути неискореним. Подобное заключение может легко дестабилизировать начатые (западно)украинскими элитами проекты создания привлекательного поликультурного наследия («багатокультурної спадщини»). Наряду с уже упомянутыми антагонистическими позициями возможно выделить еще одну – возможно, более гибкую и более морально оправданную – интеллектуальную стратегию обращения к «польской теме» в Украине. В следующей главе будет рассмотрен интересный пример того, как либеральные и либерально-националистические интеллектуальные круги Западной Украины пытаются осмыслить комплексность польской темы в более широком контексте и подойти к теме разрушенной полиэтничности с позиции преемников, усвоивших моральный урок Волини.

Уроки разрушенного культурного разнообразия: расцвет и трагический конец «польской вселенной» пограничья на страницах журнала *Ї*

В полной ли мере признают в современной Западной Украине важность исторического наследия неукраинского населения – вопрос дискуссионный. И в политических, и в интеллектуально-академических дискурсах Западной Украины можно найти достаточно примеров того, как и нынешнее этническое разнообразие, и историческая полиэтничность не принимаются во внимание вообще или же трактуются весьма поверхностно. Хотя праворадикальная партия ВО «Свобода» – политическая сила, которая сыграла важную роль в радикализации коммеморативного ландшафта Украины и набрала 10,44% голосов на парламентских выборах 2012 г. – утратила свое политическое влияние после событий Евромайдана, ее конфронтационная риторика стала неотъемлемой частью публичного дискурса. Тем не менее, в интеллектуальных центрах Западной Украины отношение к этнокультурному разнообразию обычно более осмысленное и многостороннее, чем у политиков. Если после 1991 г. резонансные политические дискуссии, затрагивавшие эту тему, прежде всего касались физических трансформаций городского пространства и споров о владении теми или иными объектами, то интеллектуальные дискуссии вокруг поликультурного наследия сосредоточились на

проблемах его признания, роли для коллективной идентичности и возможности его культурного возрождения.

В начавшихся с обретением Украиной независимости оживленных интеллектуальных дискуссиях поликультурность и полиэтничность трактовали прежде всего как «дела давно минувших дней». Тем не менее, даже будучи «загнанным» в прошлое, этнокультурное разнообразие оставалось деликатной темой. Некоторые галицкие интеллектуалы, обсуждая проблему исторического этнокультурного разнообразия, указывали, что внешне мирное, а на самом деле глубоко конфликтное сосуществование разных народов вряд ли может стать отправной точкой оптимистического нарратива о польско-украинском пограничье как органической части Европы¹¹⁰. Такое настойчивое «вписывание» исторического разнообразия в нарратив об исторических травмах и конфликтах в свою очередь проецируется на современные этнические группы региона. Как следствие, польские сообщества Западной Украины, которые принимают участие в политических дискуссиях о правах этнических меньшинств, практически не вовлечены в формирование региональной и национальной культур памяти. Польскоязычные медиа региона (например, газета *Kurier Galicyjski*) отслеживают польско-украинские обсуждения истории, чествования и культурные события, но оценивать и комментировать их обычно предоставляют полякам из Польши и украинцам. Поскольку редко слышен голос тех, кто смог бы быть медиаторами двух национальных сообществ, западноукраинские интеллектуальные дискуссии вокруг польского наследия обычно выглядят довольно фрагментарно.

В 2000-х гг. львовские интеллектуальные форумы задавали тон дискуссии о польском Львове, польском культурном наследии и, шире, о полифонии культурных влияний в Украине. Одним из наиболее заметных является *Незалежний культурологічний часопис «І»*, который начиная с 1990-х гг. издают во Львове при финансовой поддержке немецких и польских культурных фондов. Либеральный (а в некоторых вопросах либерально-националистический) по своей ориентации, *І* положил начало по крайней мере двум резонансным дискуссиям вокруг идентичности, а именно о Галичине и Украине как части Центральной Европы, а также о галицкой автономии. Галицкое этническое и культурное разнообразие, вписываемое в более широкие цивилизационные контексты, остается концептуальной осью публикаций и деятельности *І*.

В 2003 году *І* подготовил специальный выпуск, целью которого было привлечь внимание украинской аудитории к 60-й годовщине событий на Волыни, а, следовательно, и сделать эту тему частью более широкого публичного дискурса. 28-й, «волынский» выпуск *І* был задуман не просто как информативная подборка материалов и индивидуальных свидетельств об антипольском насилии, которое

---

¹¹⁰ Андрухович Ю. Дезорієнтація на місцевості: спроби. Івано-Франківськ, 1999. С. 29; Грицак. Страсті за націоналізмом. С. 273-274; Расевич В. Галичина: мультикультурна чи ксенофобська? // Zaxid. 16 мая 2011. http://zaxid.net/blogs/showBlog.do?galichina_multikulturalna_chi_ksenofobska_diysniy_stan_i_perspektiva&objectId=1129233. Последнее посещение 15 сентября 2016.

имело катастрофические последствия для этнического разнообразия пограничья. *Ї* стремился дополнить польскую дискуссию мнением авторитетных украинских культурных деятелей и впоследствии создать интеллектуальную платформу для польско-украинского примирения. Не случайно выпуск открывался двумя польско-украинскими интеллектуальными манифестами: открытым письмом по случаю 60-й годовщины вооруженного украинского-польского конфликта на Волыни, подписанным группой ведущих украинских исследователей, журналистов и писателей, а также письмом известного польского политика Яцека Куроня украинскому коллеге, бывшему диссиденту и религиозному философу Мирославу Мариновичу.

Общей темой обоих писем стал призыв к примирению на основе общечеловеческих ценностей и христианской этики, разделяемых обоими народами – то есть как раз на той основе, о которой «забыли» уничтожавшие друг друга во время Второй мировой войны украинцы и поляки. Оба документа развивают идею о необходимости поиска консенсуса на основе христианских ценностей и уважения к умершим. Тем не менее, наряду с призывом к взаимному прощению, подкрепленному обращением к религиозной риторике и универсальным этическим принципам, открытое письмо украинских интеллектуалов и редакционное предисловие содержали ряд аргументов этико-партикуляристского характера.

Политики предстают в контексте этих документов как те, кто поощряет «манипулирование исторической памятью ради краткосрочной политической выгоды», а украинские интеллектуалы, чье коллективное мнение сформулировано в открытом письме, фигурируют как беспристрастные участники дискуссии, гарантирующие «честный и откровенный диалог относительно упомянутых событий»¹¹¹. Интеллектуалы, объединенные вокруг журнала *Ї*, заявили о своем неприятии принципа коллективной ответственности и в противовес ему указали двух главных виновников¹¹². С одной стороны, непосредственной причиной «братоубийственного польско-украинского вооруженного конфликта 1943 года на Волыни» были названы силовые амбиции украинских и польских политических игроков и их вооруженных отрядов. С другой же, главными исполнителями массовых убийств были представлены крестьяне: «за землю крестьянин зачастую готов вести войну с ближним и порой, к сожалению, дойти до крайностей»¹¹³. В качестве контраста и противовеса националистическим боевым отрядам и взбунтовавшимся крестьянам представлена фигура легендарного греко-католического митрополита Андрея Шептицкого. Письма, в которых он строго осуждает проявления этнической ненависти, открывают и завершают «волынский» выпуск журнала. Тем не менее, открытые письма представителей культурных элит и предид-

---

¹¹¹ Волинь 1943. Боротьба за землю // *Ї*. 2003. № 28. С. 1.

¹¹² Там же. С. 2.

¹¹³ Там же. С. 10. Интересно, что аргумент о крестьянской жакерии – хотя в другой, утвердительной, модальности – был ранее озвучен командирами УПА. См.: Мотыка. Неудачная книга... С. 391.

словие редакции *Ї* не упоминают о противоречивой роли интеллектуалов как идеологов конфликта. Деморализация и физическое уничтожение польских и украинских элит в ходе советской и нацистской оккупации тоже не были названы как одна из причин эскалации этнической ненависти¹¹⁴. Похоже, авторы *Ї* не обратили внимания и на то, что презентация крестьян как главных преступников так или иначе означает приписывание коллективной ответственности целой социальной категории.

Подзаголовок выпуска *Волинь 1943: борьба за землю* можно толковать по-разному. В первую очередь возникает предположение, что речь идет о государственности, ведь территориальные диспуты были неотъемлемой частью процессов формирования государства в Польше и Украине. Заглавие также может быть истолковано как намек на осмысление Волини в понятиях этнической чистки. Однако предисловие редакции подсказывает, что как наиболее вероятную интерпретацию антипольского насилия следует принять неконтролируемый бунт угнетенных украинских крестьян, жаждущих получить землю¹¹⁵. Как уже было упомянуто, этот аргумент служил самооправданием, отстаиваемым руководителями УПА.

Примечательно, что предисловие *Ї* и открытое письмо, подписанное украинскими интеллектуалами, по-разному квалифицируют массовые убийства. В предисловии редакции речь идет об «этнической чистке» и «преступлении»¹¹⁶. Что же касается открытого письма интеллектуальной элиты, то в нем констатируется, что «слепая месть всегда умаляет рыцарство», убийства названы «трагической ошибкой», «грехом», а также упомянуты непредсказуемые последствия борьбы за землю и украинскую независимость. В данном случае авторы прибегли к дискурсивной стратегии «пребывания над схваткой», особенностью которой, как пишет Ричард Познер, является то, что «сторонник одной позиции в ожесточенной дискуссии уверяет, что на самом деле ищет срединный путь между крайними точками зрения, которые он не воспринимает именно из-за их экстремальности, но на самом деле приводит все убедительные аргументы в пользу собственной (нераскрытой) позиции»¹¹⁷. И в самом деле, на первый взгляд, представители интеллигенции, подписавшие открытое письмо, осуждают такие групповые предубеждения, как этноцентризм и политический радикализм представителей украинской и польской сторон, которые спровоцировали конфликт в прошлом, как и тех, кто сейчас продолжает его на дискурсивном уровне. В противовес этому подписанты представили себя лишенными групповых предубеждений сторонниками примирения и индивидуальной ответственности.

---

¹¹⁴ Об этом факторе упоминает, в частности, Тимоти Снайдер: Snyder. *The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing...* P. 233.

¹¹⁵ Волинь 1943: борьба за землю // *Ї*. 2003. № 28. С. 10.

¹¹⁶ Там же. С. 11.

¹¹⁷ Posner R. A. *Public Intellectuals: A Study of Decline*. Cambridge, Mass., 2001. P. 91.

Тем не менее, позиция группы интеллектуалов довольно амбивалентна. Они настаивают на индивидуальности вины, но при этом избегают прямых упоминаний о преступлениях и одновременно напоминают об обязанности представителей культурных элит взять на себя моральную ответственность за поступки своих земляков. Фразеология их примирительной риторики и частое использование религиозных метафор подсказывает, что подписанты предлагают рассматривать волынские события прежде всего с точки зрения эмоционально окрашенной групповой принадлежности (как христиан и верующих), а не с позиции индивидуальной ответственности и секулярной рациональности. В конечном счете предлагается возможность раскаяния за грех, а не безоговорочное осуждение преступления всем обществом.

В итоге, интеллектуальная позиция, артикулированная в 28-м выпуске журнала, пытается найти баланс между поддержкой универсальных моральных принципов, озвучиванием «европейской» риторики памяти и солидарностью с западноукраинской аудиторией *Ї*. Хотя читатель имеет возможность ознакомиться с аналитическими текстами профессиональных историков, тем не менее сам тематический номер является примером противоречивого «мнемонического» подхода, который перемешивает исторические свидетельства и нравственные комментарии с позиции сегодняшней ситуации. Примечательно, что универсалистская риторика примирения, поддерживаемая *Ї*, в этом контексте не связана напрямую с европейским «комплексом памяти»¹¹⁸. Узким интересам конфликтующих социальных групп и национальных сообществ противопоставлены не взаимное признание, морально обоснованные политические решения или принципы транзитного правосудия, но в первую очередь христианская этика и религиозный символизм.

Дискурсы и стратегии аргументации, наметившиеся в первом «волынском» выпуске, были использованы и во втором выпуске, посвященном той же теме: *Волинь/Wołyń 1943*. Десять лет спустя *Ї* (2013. № 74) представил материалы, которые четко вписывают историческую дискуссию об осмыслении Волыни в систему координат, где геноциду противопоставлен двусторонний конфликт. Выпуск содержит статьи нескольких авторитетных польских и украинских историков, специализирующихся по этой теме. Тем не менее, показательно, что в выпуск не вошли тексты сторонника концепции «второй польско-украинской войны» Владимира Вятровича. Можно заметить, что подборка материалов выпуска в целом соответствует современной тенденции осмысления противоречивых исторических тем с точки зрения так называемой «переплетенной истории» (*entangled history*), которая пытается преодолеть ограничения националистического подхода. В свою очередь, использование «мнемонической» риторики – очевидное в текстах главного редактора *Ї* Тараса Возняка и политолога Антона Борковского – обеспечило преемственность между первым и вторым волынскими вы-

---

¹¹⁸ Macdonald Sh. *Memorylands: Heritage and Identity in Europe Today*. L., N.Y., 2013. P. 20.

пусками журнала, лейтмотивом которых стали мотивы примирения, долг памяти и христианское прощение. Примечательно, что и в этот раз журнал *Ї* сосредоточился на моральных авторитетах, которые служили связующим звеном между противоборствующими сторонами и отстаивали универсальные моральные принципы. Если первый «волынский» выпуск отметил вклад украинского этнарха Андрея Шептицкого, то второй привлек внимание к наследию русского писателя Льва Толстого и польского политического активиста Адама Михника.

В промежутке между двумя «волынскими» выпусками *Ї* обратился к теме польско-украинских отношений в других контекстах. Выпуски № 52 (*Польская вселенная Галичины*) и № 57 (*Усадьбы рода Фредро-Шептицких*), частично финансируемые специальной программой Польского министерства иностранных дел, были задуманы как взаимоприемлемое представление польского культурного наследия в Западной Украине. Отчасти обе темы были логическим продолжением «волынских» выпусков, поскольку привлекали внимание общественности к богатому культурному миру, безвозвратно «потерянному» вследствие воынской резни и дальнейших переселений и «репатриаций». Выпуск № 52 назван частью серии «интеллектуальных путеводителей в местную историю». Согласно традиции *Ї*, в выпуск были включены тексты авторов разных национальностей и разных жанров. Большинство материалов, впрочем, принадлежало польским авторам и было написано в жанре мемуаров. В основном они содержали описания довоенной жизни и воспоминания об известных деятелях культуры. В предисловии отмечалось, что читателям следует воздерживаться как от ностальгических идеализаций, типичных для польской мемуарной литературы, так и от «псевдопатриотических» амбиций, заметных в украинском обществе. В противовес этому интеллектуальные усилия следует направить на спасение от «сплошного забвения того, что было сделано поляками для этой земли», и использовать «оставленное себе, украинству на пользу»¹¹⁹.

Ретроспективный характер выпуска не позволил разместить материалы о польском быте советского периода и о современных реалиях польских общин в Галичине. Поэтому «истинная» польская культура – также, как и другие элементы галицкой поликультурной вселенной, в частности, ее еврейская и немецкая составляющие – снова была классифицирована как «потерянный» довоенный мир, мало связанный с нынешним украинским обществом; слово «вселенная» (*всесвіт, усе-світ*), использованное для его описания, указывает не только на всеохватность и насыщенность, но и на отдаленный, закрытый характер этого культурного слоя. В связи с этим напрашивается вопрос: а какие же варианты многокультурного наследия реально доступны нынешним (восточным) галичанам? По мнению некоторых львовских интеллектуалов¹²⁰, следы «потерянных галицких

¹¹⁹ Магдиш І. Чому треба писати спогади // *Ї*. 2008. № 52. Польський усе-світ Галичини. С. 3.

¹²⁰ У Львові дискутували про багато культурність міста // *ZIK*. 30 марта 2010. http://zaxid.net/home/showSingleNews.do?u_lvovi_diskutuvali_pro_bagatokulturnist_mista&objectId=1099435. Последнее посещение 15 мая 2016.

вселенных» можно найти только в архитектурном пространстве, которое сейчас заселено и обжито «не тем» типом людей. Богатство исторических архитектурных памятников контрастирует с послевоенной повседневностью, представленной как нечто «серое» и «банальное». Согласно этой логике, в еще одном выпуске *Ї* (2009. № 58) нынешняя ситуация была определена как «монокультурность» или даже «малокультурность», то есть как историческое невежество послевоенных галичан и их сосредоточенность исключительно на бытовых проблемах. В предисловии к этому выпуску, озаглавленному «Многокультурный Львов?», читаем следующее: «Так в чем же тогда мультикультурность Львова? Львова современного, а не бывшего, о котором уже не первый год пишем и мы, и многие другие авторы издания? Что же Львов может предложить *Urbi et Orbi*? К сожалению – а может, и не к сожалению, а просто де-факто – пока предлагает монокультуру не слишком еще высокого уровня, которая не дотягивает ни до культурной политики Вроцлава, ни до благородной, хотя и все более провинциальной культуры Кракова. Но мы учимся, как бывает, перенимая для начала простые и поэтому не лучшие образцы»¹²¹.

В качестве противодействия *Ї* предлагает обратиться к «современной украинской культуре Львова с органично вплетенными элементами культур всех народов, которые сделали этот город таким, каким он есть сейчас»¹²². Показательно, что «монокультурной» ситуации Львова противопоставлен благоприятный культурный климат современных Кракова и Вроцлава, то есть городов, куда после Второй мировой войны выехала значительная часть уцелевшей польской культурной и академической элиты. Вполне закономерно, что образы этих городов могут пробуждать и ностальгию, и ресентимент. Лишенный своих ярких представителей, Львов представлен как город, который не только утратил свое довоенное этническое разнообразие, но и отчасти передал рафинированность своей урбанистической культуры польским соседям и соперникам.

Как было отмечено в предисловии к тематическому выпуску *Польская вселенная Галичины*, важным уроком «потерянных вселенных» является потребность исторического свидетельства и передачи коллективных воспоминаний потомкам. Однако в ситуации «монокультурной» и даже «малокультурной» реальности эта идея в первую очередь адресована небольшим оазисам интеллигенции, заинтересованной в формировании определенного видения прошлого. Это как раз та категория горожан, которая способна ценить художественное слово, чувствовать моральную ответственность за свои национальные сообщества и формировать интерпретации исторических событий для младшего поколения.

Аудитория и авторы *Ї* являются эпистемным сообществом, которое стремится сочетать историческую компетентность, политическую ангажированность и обращение к теме памяти – в частности, к теме довоенного «диссонантного насле-

---

¹²¹ Магдиш І. Моно-мало-культурний Львів // *Ї*. 2009. № 58. Багатокультурний Львів? С. 3.

¹²² Там же.

дия»¹²³. Тем не менее, если сравнивать подход к этническому и культурному разнообразию, предлагаемый интеллектуальными кругами, в частности журналом *Ї*, с недавними попытками львовских политиков обратиться к поликультурному прошлому города и региона, то можно заметить интересную тенденцию. Одной из успешных политических стратегий озвучивания темы культурного многообразия Львова стал дискурс «многокультурного наследия» как сочетания региональной специфики и цивилизационной европейскости. Предложенный в связи с празднованием 750-летия города (2006 г.) лозунг «Львов открытый для мира» и логотип с изображением колоколен храмов различных конфессий были адресованы широкой аудитории. Это означало, что поликультурное наследие города мыслилось как весомый демократический ресурс. Что же касается нарратива о «вселенных» Галичины, предлагаемых *Ї*, то он подчеркнул важность многокультурного наследия, но в то же время однозначно спроецировал его в прошлое и представил его как ресурс, нужный прежде всего достаточно узкому кругу интеллектуально ориентированных людей, которые к тому же испытывают моральную ответственность за культурное достояние – то есть прежде всего интеллектуалам и интеллигенции. Неосведомленной публике и тем, кто руководствуется прагматичными интересами (будь то политики, местные этнические сообщества или обычные горожане), следуя этой логике, не следует притязать на этот ценный актив.

Другим спорным аспектом подхода к историческому разнообразию, который замечен в рассматриваемом материале, является нейтрализация болезненной темы этнических конфликтов. В результате на первый план выходят обобщенные презентации этнического разнообразия пограничья и попытки «сделать из этого что-то хорошее». Такая беспроблемная гармонизация не позволяет увидеть сложность культурного наследия как понятия, который делает упор не только на эстетическом удовольствии, подтверждении групповой солидарности или нахождении точек стабильности в изменяющемся мире, но и на удовлетворении познавательных и этических потребностей. Ценность такого конструкта как наследия состоит не только в отображении определенных желаемых качеств, но и в том, насколько адекватно он позволяет подчеркнуть своеобразие исторических периодов и процессов. Таким образом, «... за внешне довольно невинным использованием наследия для культурного интегрирования и социальной стабильности может скрываться ряд довольно обманчивых, а может даже и вредных постулатов. ... Прошлое и наследие, которое мы из него делаем, не обязательно являются согласованными и гармоничными»¹²⁴.

---

¹²³ Tunbridge J. E., Ashworth G. J. *Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict*. Chichester, 1996.

¹²⁴ Ashworth G. J., Graham B. J., Tunbridge J. E. *Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies*. L., 2007. P. 53.

Заключение

С распадом СССР западноукраинские интеллектуальные круги столкнулись с проблемой оценки ранее замалчиваемых или же покрытых толстым слоем советских идеологических клише эпизодов истории. Налаживание диалога с польской стороной постепенно привело к потребности переосмысления исторического разнообразия польско-украинского пограничья. Если в 1990-х культурное и этническое многообразие этих земель представлялось прежде всего как оставшееся в прошлом и не оказывающее заметного влияния на идентичность и запросы нынешнего населения, то в начале 2000-х в нем постепенно начали видеть ценное и в символическом, и в практическом аспектах достояние. Определение этого достояния как «многокультурного наследия» свидетельствовало о попытках украинских интеллектуалов интегрировать локальное и одновременно транснациональное прошлое в постсоветский национальный нарратив.

Однако, по ходу дела выяснилось, что «вписать» многокультурные «вселенные» – в частности, польскую – в украиноцентричный исторический нарратив непросто. Одним из главных препятствий этому стали нерешенные конфликты памяти, в частности, различие в интерпретации событий Второй мировой войны, и, в особенности, роли националистического подполья. Начавшаяся более двух десятилетий назад польско-украинская дискуссия относительно интерпретации межэтнического насилия на оккупированных нацистами Волыни и Галичине превратилась в арену резонансных «игр памяти». Перипетии этой дискуссии показали, в частности, что жесты исторического примирения могут превратиться в пустую формальность, если обе стороны не могут предложить такие интерпретации событий, которые бы скорее дополняли, а не взаимоисключали друг друга. Тем не менее, снятие табу с темы польско-украинского межэтнического насилия позволило западноукраинским интеллектуалам начать разговор о поликультурном наследии как публичном благе, которое заслуживает внимания общественности, а также представить уничтожение довоенного этнического и культурного разнообразия как непоправимое зло. Либеральные и либерально-националистические западноукраинские интеллектуалы (в частности, круг журнала *Ї*) попытались представить поликультурное наследие как трансформативный ресурс, который способствует созданию более комплексной украинской идентичности и одновременно открывает регион Европе и миру.

События последних лет дают многочисленные подтверждения того, что в ближайшем будущем нарративы о «вселенных» польско-украинского пограничья останутся интеллектуальным ресурсом для достаточно узкого круга образованной публики и вряд ли станут частью культурного багажа широкой аудитории. Можно, однако, заметить, что введенная в популярный оборот тема культурного многообразия «отрикошетила» в популярном воображении довольно неожиданным образом. На ее фоне стало возможным и даже вполне понятным настойчи-

вое вписывание УПА в более нейтральный контекст и представление ее как неотъемлемой части украинского культурно-исторического колорита. Многочисленные примеры такого переосмысления можно найти в «пост-майданной» популярной культуре, которая все настойчивее представляет бандеровцев и повстанцев не только как борцов против двух тоталитарных режимов и героев антиколониального сопротивления, но и как реализацию «архетипа» украинского воина-патриота. Как однажды заметил украинский историк Андрей Портнов, «Украина ищет язык повествования о темных страницах своей истории и постепенно приближается к пониманию, что история УПА не ограничивается Волынской резней, но без нее она была бы неполной»¹²⁵. Тактики же ухода от публичного признания ответственности участников украинского националистического движения за преступления на Волыни и в Галиции делают задачу налаживания диалога с польской стороной, однозначно указавшей ООН и УПА виновными в тягчайшем преступлении, геноциде польского населения, «игрой памяти» с наперед известным – нулевым – результатом.

---

¹²⁵ Портнов А. Волынь-1943: польские дискуссии последних месяцев и попытки украинских ответов на них // Уроки истории: XX век. 31 июля 2013. <http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/51806>. Последнее посещение 15 мая 2016.